

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН “О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА” В СВЕТЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ООН

© 2011 г. Леонид Владимирович Брусницын¹

Краткая аннотация: в 2008 г. Управлением ООН по наркотикам и преступности изданы “Рекомендуемые виды практики в области защиты свидетелей при производстве по уголовным делам, касающимся организованной преступности”. В данной статье автор сравнивает указанные Рекомендации и российский Федеральный закон “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства”, определяя тем самым вопросы, требующие законодательного разрешения, а также вопросы, представляющие интерес для научных исследований, результаты которых могут быть использованы в законотворчестве.

Annotation: in 2008 United Nations Management on drugs and criminality publishes “Recommended kinds of practice in the field of protection of witnesses by manufacture on the criminal cases, concerning the organized crime”. In the present article the author compares the specified Recommendations and the Russian Federal law “On the state protection of victims, witnesses and other participants of criminal legal proceedings”, define thereby the questions demanding the legislative permission, and also the questions which are of interest for scientific researches with the results which can be used in domestic lawmaking.

Ключевые слова: обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, организация деятельности служб по защите свидетелей, международное сотрудничество в обеспечении безопасности участников уголовного процесса.

Key words: safety of victims, witnesses and other participants of criminal legal proceedings, the organization of activity of services on protection of witnesses, the international cooperation in safety of participants of criminal trial.

В 2008 г. Управлением ООН по наркотикам и преступности изданы “Рекомендуемые виды практики в области защиты свидетелей при производстве по уголовным делам, касающимся организованной преступности” (далее – *Рекомендации*), ставшие итогом 3-летних региональных совещаний со специалистами более 30 стран², 8 международных организаций и 3 институтов.

Цель настоящей статьи – сравнить Федеральный закон “О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства” от 20 августа 2004 г. (далее – *Закон о госзащите потерпевших*, *Закон*) с *Рекомендациями* и тем самым определить вопросы, требующие законодательного разрешения, а также вопросы, представляющие интерес для на-

учных исследований, результаты которых могут быть использованы в законотворчестве.

Вопрос, который в России решен, но окончательно ли: сколько служб должны обеспечивать безопасность тех, кто сотрудничает со следствием и судом? В ч. 3 ст. 3 *Закона о госзащите потерпевших* реализация мер безопасности возложена на органы внутренних дел, ФСБ, таможенные органы и органы Роснаркоконтроля. При этом в МВД по Указу Президента РФ от 6 сентября 2008 г. созданы *Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите*, находящийся в его подчинении *Центр по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите*, и на региональном уровне – одноименные *центры и группы*; в ФСКН и ФСБ эта функция возложена на уже существующие подразделения³. Оптимально ли создание нескольких ведомственных служб по обеспечению безопасности лиц, содействующих

¹ Профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Московского государственного индустриального университета, доктор юридических наук (E-mail: leo1222@yandex.ru; моб. тел.: 8-916-496-10-48).

² Россия в совещаниях не участвовала, очевидно, вследствие небольшого опыта в данной сфере.

³ Согласно приказам ФСКН РФ от 2 ноября 2007 г. и ФСБ РФ от 3 февраля 2009 г.

правосудию (далее – службы, подразделения по защите свидетелей⁴)? В отечественной юридической литературе немало аргументов высказано в пользу одной вневедомственной службы. Ее созданию отдали предпочтение большинство опрошенных сотрудников правоохранительных органов⁵.

Тем не менее в Австрии, Канаде, Новой Зеландии и Норвегии защиту свидетелей осуществляют ведомственные (полицейские) подразделения. Соответствующие подразделения в Колумбии, Нидерландах, США, Филиппинах и Южной Африке не относятся к полиции, но тоже ведомственные – подчинены Министерству юстиции либо Министерству внутренних дел, либо органам прокуратуры или их аналогам в указанных странах. Межведомственная служба действует в Италии. В Рекомендациях сделан и вывод: вопрос, должны ли подразделения по защите свидетелей относиться к полиции, не столь важен, так как во всех упомянутых группах есть страны, давно и успешно осуществляющие эту защиту; ключевое значение имеет не ведомственная принадлежность указанных подразделений, а их организационное и оперативное отделение от следственных и иных структур в правоохранительных органах, конфиденциальность деятельности⁶.

Если Россия останется среди стран, имеющих по несколько служб защиты свидетелей, в российском *Законе о госзащите потерпевших* необходимо устранить пробел, заключающийся в том, что не все субъекты, осуществляющие полномочия органа дознания и наделенные в соответствии с ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 18 *Закона* правом выносить постановления о применении мер безопасности, могут рассчитывать на их исполнение. Так, согласно ч. 1 ст. 40 УПК РФ в числе других к органам дознания относятся органы Федеральной службы судебных приставов (ФССП) и наряду с органами внутренних дел иные органы, правомочные осуществлять оперативно-розыскную деятельность. К последним в ст. 13 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” от 13 августа 1995 г. (далее – *Закон об ОРД*) отнесены оперативные подразделения федеральных органов государственной охраны (ФСО), Службы

внешней разведки (СВР) и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН).

В то же время данные службы не указаны в ч. 3 ст. 3 *Закона* среди органов, на которые возложена реализация мер безопасности. Применительно к ФСО и СВР это можно объяснить тем, что УПК РФ не предусматривает осуществления ими полномочий органа дознания. Что касается ФССП и ФСИН, то причиной их отсутствия в *Законе*, возможно, послужил небольшой объем осуществляемой ими уголовно-процессуальной деятельности. Органы ФССП согласно п. 4 ч. 3 ст. 151 УПК РФ производят дознание только по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 157 и 177, ч. 1 ст. 294, ст. 297, ч. 1 ст. 311, ст. 312 и 315 УК РФ. Начальники органов ФСИН в соответствии с ч. 1 и п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ возбуждают уголовные дела (и производят неотложные следственные действия) лишь о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих органов, и о преступлениях, совершенных в их расположении иными лицами.

Тем не менее, сталкиваясь с угрозой посткриминального воздействия в ходе указанной деятельности, соответствующие субъекты ФССП и ФСИН согласно ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 18 *Закона* вправе выносить постановления о применении мер безопасности. Но направлять их для исполнения некому, поскольку в ч. 3 ст. 3 *Закона* установлено, что меры безопасности реализует то же ведомство, к которому принадлежит начальник органа дознания, вынесший вышеуказанное постановление, органы же ФССП и ФСИН в ч. 3 ст. 3 *Закона* не указаны.

В силу малого объема уголовно-процессуальной деятельности этих служб создание в них подразделений по защите свидетелей нецелесообразно⁷. Решение видится в том, чтобы в ч. 4 ст. 3 *Закона* возложить исполнение постановлений о применении мер безопасности, выносимых должностными лицами ФССП и ФСИН, на органы внутренних дел, расположенные по месту нахождения защищаемого; должностными лицами ФСО и СВР (при установлении в УПК РФ их полномочий как органа дознания) – на родственную

⁴ Учитывая использование этих названий в источнике, к которому автор постоянно обращается.

⁵ См., в частности: Новикова М.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 52.

⁶ См.: Рекомендации. С. 10, 46, 54, 97.

⁷ В ФСИН возможно создание специальных подразделений, но для обеспечения безопасности другой категории защищаемых – лиц, отбывающих наказания в пенитенциарных учреждениях (подобно тому, как такие подразделения созданы в Гонконге и Нидерландах; см. об этом: Рекомендации. С. 20). На эти же подразделения может быть возложена и защита участников уголовного процесса при производстве неотложных следственных действий по уголовным делам, возбуждаемым начальниками органов ФСИН.

структуру, т.е. на органы ФСБ РФ, также по месту нахождения защищаемого⁸.

Основания применения мер безопасности. Установленные в ч. 1 ст. 16 Закона вследствие неопределенности и излишней узости, они не раз подвергались критике, в том числе автором настоящей статьи, высказавшим предположение, что в узости их выразилось стремление законодателя минимизировать применение дорогостоящих мер безопасности⁹. Такое стремление понятно, поскольку в период разработки Закона, да и сейчас экономическое положение страны далеко от желаемого. Тем не менее, если предположение автора верно, законодатель следовало выбрать другой – “легальный” путь для экономии, например путь Таиланда или Италии. В первой из этих стран установлено, что меры безопасности (от личной охраны до переселения защищаемого и замены его документов) могут применяться лишь при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, угрозой национальной безопасности, организованной преступностью, коррупцией, отмыванием денег, таможенными нарушениями, торговлей людьми, и иных преступлений, которые наказываются лишением свободы на срок не менее 10 лет¹⁰. В Италии защищаются участники уголовных дел о преступлениях, “касающихся наркотиков, деятельности мафии или умышленных убийств”, а также об иных преступлениях, наказываемых лишением свободы на срок не менее пяти лет¹¹.

Российский законодатель пошел иным путем: не ограничивая использование Закона перечнем преступлений, отличным от содержащегося в УК РФ, он сузил основания применения мер безопасности до *реальной угрозы убийства лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества*. Сложно сказать, каким было видение *реальности* угроз у разработчиков Закона, но значительная часть правоприменителей эту реальность понимает так: меры безопасности должны применяться, если их неприменение приведет к осуществлению угрозы. В результате – многочисленные отказы в защите граждан,

что, конечно, экономит ресурсы, выделяемые на исполнение Закона, но заставляет граждан уклоняться от содействия следственным органам из-за страха перед преступниками¹².

В *Рекомендациях* много внимания уделено конфиденциальности защиты, выражающейся в целом ряде аспектов организации и деятельности соответствующих подразделений. Во-первых, они должны иметь отдельную базу данных о своей деятельности и возможность отслеживания любых попыток несанкционированного проникновения в нее.

Конфиденциальность обеспечивается и особым порядком проверок финансовой деятельности этих подразделений. В Австралии их проводят: 1) ревизоры, ведущие учет без указания подробных сведений об операциях: географических названий, фамилий и пр.; гостиничные счета, например, им представляются в запечатанных конвертах и не просматриваются; 2) *Национальное ревизионное управление Австралии* по постановлению правительства, при этом сотрудники управления не обладают доступом к ряду документов и доверяют их проверку от своего имени коллегам из группы ревизоров федеральной полиции. Подобные меры применяются и в Новой Зеландии. Этот опыт, на мой взгляд, может быть учтен в России.

Следующий аспект конфиденциальности – процедура проверки решений о применении либо об отказе в применении мер безопасности, а также решений, принимаемых в ходе реализации этих мер. В большинстве случаев они не подлежат “внешней” проверке (никакие другие органы не имеют доступа к информации в подразделении по защите свидетелей). Принятые решения могут подвергаться в некоторых случаях лишь судебному или “внутреннему” пересмотру. Пример последнего: в Словакии служба по защите свидетелей пересматривает собственные решения о включении лица в программу защиты и исключении из нее (что признается компромиссом между полным отсутствием возможности ревизии решений и обычным ее порядком)¹³.

В России обжалование решений, принимаемых в рамках Закона о госзащите потерпевших, и рассмотрение жалоб осуществляются в обычном порядке, кроме двух аспектов. Во-первых, в ч. 3 ст. 18 Закона установлен сокращенный срок для

⁸ Подобно тому как в ч. 4 ст. 3 Закона осуществление мер безопасности по делам, находящимся в производстве суда и прокуратуры (читай – в производстве следователей Следственного комитета РФ), возложено на органы, перечисленные в ч. 3 данной статьи и расположенные по месту нахождения защищаемого.

⁹ См.: Брусницын Л.В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию // Гос. и право. 2004. № 2. С. 34.

¹⁰ См.: Рекомендации. С. 26.

¹¹ Там же. С. 13, 14.

¹² О таких случаях см., в частности: Федорова О.В. Защита прав и свобод человека и гражданина – принцип уголовного судопроизводства. М., 2010. С. 123.

¹³ См.: Рекомендации. С. 59, 60, 62.

принятия решения по жалобе на постановление о применении мер безопасности либо об отказе в их применении: 24 часа с момента подачи жалобы.

Во-вторых, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 24 Закона органы, осуществляющие меры безопасности, вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ). Согласно же ст. 21 Закона об ОРД за этой деятельностью надзирают помимо Генерального прокурора РФ только уполномоченные им прокуроры с соблюдением правил, направленных на сохранение в тайне информации, относящейся к поднадзорной сфере¹⁴. Следовательно, если при проверке прокуратурой исполнения Закона о госзащите потерпевших в предмет проверки будут входить ОРМ, то проверка должна проводиться с соблюдением указанных правил.

В свете зарубежного опыта целесообразно распространить эти особенности на надзор за исполнением Закона о госзащите потерпевших независимо от того, связаны ли проверяемые действия с ОРД. Возможно и установление в ст. 4 Закона наряду с принципом использования гласных и негласных методов принципа конспирации (конфиденциальности)¹⁵, подобно тому как обоим этим положениям статус принципа дан в ст. 3 Закона об ОРД. Естественно, это повлечет необходимость пересмотра в целом Закона о госзащите потерпевших для оценки соответствия его норм названному принципу и скорее всего внесение в Закон комплекса новелл, обеспечивающих конспирацию.

Еще один аспект конфиденциальности, не урегулированный в России, но заслуживающий внимания, – при окончании защиты человека у него может быть отобрано обязательство не сохранять никаких документов (копий соглашений со службой защиты, запись встреч с ее сотрудниками и пр.), содержащих информацию о деятельности данной службы¹⁶.

Завершая вопрос о конфиденциальности, хотелось бы обратить внимание должностных лиц, исполняющих Закон о госзащите потерпевших, на то, что безотносительно к тому, будет ли он дополнен принципом конспирации и обеспечи-

вающими его реализацию нормами, необходимо уже сейчас определиться с границами, в которых связанная с Законом информация может быть общедоступна. Нет сомнения, что сложившаяся в России ситуация, когда не только граждане, но часть следователей и судей не знает о существовании Закона¹⁷, должна быть исправлена. И можно только приветствовать появление в Интернете на сайтах ГУВД субъектов РФ информации о Законе, адресов и телефонов исполняющих его подразделений, но нужно ли было размещать на сайтах персональные данные и фотографии (а на некоторых сайтах и биографии!) руководителей этих подразделений?¹⁸

Кадровое обеспечение подразделений по защите свидетелей. Рекомендуется ограничивать службу в них до трех-пяти лет, что объясняется превенцией коррупции и большой рабочей нагрузкой. В то же время отмечена и неизбежность компромиссов между приведенными соображениями и необходимостью удержания в подразделениях квалифицированных сотрудников. Поскольку служба в них предполагает почти круглосуточную готовность, в ряде стран предусмотрены оплата сверхурочной работы либо выплата дополнительных пособий¹⁹. Учет всего изложенного необходимо и в России, в частности угрозы коррупции, поскольку, например, только в 2005 г. и только за коррупционные преступления были осуждены 1345 сотрудников милиции²⁰.

Финансирование защиты. Основные расходы связаны с переселением защищаемых и во многом зависят от предоставляемых им пособий, социокультурных особенностей общества, влияющих на количество близких, переселяемых вместе с защищаемым, возможностей действующих в стране ОПГ²¹. Частично финансирование защиты осу-

¹⁴ См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» от 21 декабря 2007 г.

¹⁵ Объем статьи не позволяет рассмотреть соотношение «конспирации» и «конфиденциальности», но выбор термина необходим при подготовке соответствующих новелл к Закону. В Рекомендациях употребляется второй термин, что, конечно, не обязывает законодателя использовать его.

¹⁶ См.: Рекомендации. С. 77.

¹⁷ См. об этом: Полстовалов О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Саратов, 2009. С. 41.

¹⁸ Заметим, что персональные данные их зарубежных коллег, участвовавших в подготовке Рекомендаций, умышленно оставлены в безвестности (см. об этом: Рекомендации. С. v).

¹⁹ См.: Рекомендации. С. 47–49.

²⁰ См.: Куракин А.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Гос. и право. 2008. № 5. С. 39.

²¹ Отсюда – разница в ежегодных расходах на защиту свидетелей: в Австралии они составляют около 775 000 долл. США, в Великобритании – около 1 080 000 долл. США, в Канаде – около 1 800 000 долл. США, в США – 59 700 000 долл., в Италии – 84 000 000 долл. США (см.: Рекомендации. С. 53, 54).

ществляется за счет доходов от реализации конфискованного у преступников имущества. Есть и другой способ минимизации расходов – “ускоренное продвижение” уголовных дел с участием защищаемых лиц в органах правосудия (Южная Африка)²². В США такие дела также разрешаются судами в первую очередь в целях сокращения периода возможного посткриминального воздействия и тем самым расходов на защиту от него. Данные меры заслуживают внимания отечественного законодателя.

Важное условие работы служб по защите свидетелей – их *партнерские связи* с учреждениями, которые выдают защищаемым документы, предоставляют жилье, осуществляют социальное страхование, медицинскую и психологическую помощь, образовательные, банковские и иные услуги. Поскольку они носят затратный характер, основой таких связей в России могут быть только законодательные установления. В ст. 22 *Закона о госзащите потерпевших* предусмотрено, что решения органов, обеспечивающих защиту, обязательны для исполнения должностными лицами, которым они адресованы, но практика показала, что этого недостаточно²³.

Для сотрудничества с партнерами требуются *защищенные каналы связи*, а представлять вышеуказанные организации должны тщательно проверенные сотрудники. Решаются эти вопросы на встречах партнеров, результат которых – протоколы, содержащие подробные нормы о соблюдении режима секретности, о том, что “доступ к документам о смене личных данных предоставляется только лицам, имеющим необходимый допуск и обоснованную потребность в таких сведениях”, определяются задачи по обучению “вспомогательного и дополнительного персонала”, иные аспекты взаимодействия²⁴. В России эти аспекты или хотя бы часть их необходимо закрепить в виде корреспондирующих друг другу норм в *Заоне о госзащите потерпевших* и в законодательных актах, регулирующих деятельность партнеров.

Следующий аспект – взаимные обязательства служб по защите свидетелей и защищаемых. Перечень обязательств в разных странах варьируется, но обычными среди них являются: обязатель-

ство защищаемого не совершать преступлений, сообщать всю информацию о своем “уголовном прошлом”, об имеющихся финансовых и других обязательствах, давать правдивые показания, отказаться от контактов со знакомыми помимо специально оговоренных лиц, от выезда из района проживания без согласования с подразделением по защите. Со своей стороны служба защиты может брать на себя обязательства: компенсировать защищаемому лицу любые убытки, понесенные вследствие включения в программу защиты (Южная Корея)²⁵, предоставить ему беспроцентный кредит.

Говоря о компенсации убытков, надо сказать, что в ч. 3 ст. 4 *Закона* провозглашен принцип неущемления прав защищаемого. Достаточно ли этого установления, пусть в ранге принципа, для решения вопроса, например, о возмещении убытков в крупном бизнесе, обусловленных тем, что его владелец, будучи помещенным в безопасное место²⁶, был лишен возможности управлять бизнесом? Этот вопрос может быть урегулирован в договоре, заключаемом согласно ч. 6 ст. 18 *Закона*, но вряд ли соответствующие российские службы будут заключать договоры о возмещении убытков, которые могут исчисляться миллионами рублей.

Неразрешенный спор сторон по этому вопросу скорее всего приведет к тому, что меры безопасности не будут применяться, а участник уголовного процесса откажется от дачи показаний. Значит, его надо привлекать к ответственности по ст. 308 УК РФ? Но если государство в лице правоохранительных органов возлагает на индивидуума уголовно-процессуальные обязанности, выполнение которых сопряжено с угрозой посткриминального воздействия, оно обязано гарантировать ему безопасность. Требование же государства к индивидууму выполнять указанные обязанности при отсутствии гарантий безопасности и тем более применение санкций за невыполнение обязанностей, когда причина их невыполнения – страх расправы со стороны преступников, являются неконституционными²⁷.

Итак, привлечение гражданина к уголовной ответственности в вышеописанной ситуации незаконно. Что касается решения гражданина от-

²² См.: Рекомендации. С. 52, 53.

²³ В одном из российских регионов решение о замене документов защищаемому осталось неисполненным областным управлением ЗАГС, Минобразования и подразделением ФНС из-за “отсутствия законодательно закрепленных процедур реализации государственной защиты указанным способом”.

²⁴ См.: Рекомендации. С. 56.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ Мера безопасности, предусмотренная в ст. 12 *Закона*.

²⁷ Подробное обоснование этого вывода см. в монографии: *Брусницын Л.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (Процессуальное исследование). М., 2010. С. 89–91.

казаться от содействия правосудию, то такой шаг вполне возможен, если он повлечет прекращение посткриминального воздействия. В этом случае ущемления прав человека не будет, как не будет и самой защиты, но следствие “потеряет” источник доказательственной информации. Возможен и другой вариант. Допуская вероятность убытков и даже их неизбежность в результате применения мер безопасности, гражданин, тем не менее, согласится на их осуществление без заключения договора о возмещении возможных потерь. Это вероятно в том случае, если прекращение содействия правосудию не спасет его от угрозы посткриминального воздействия²⁸. Но в этом случае говорить о неущемлении прав защищаемого нельзя, ведь ему не предоставлены гарантии возмещения убытков.

Последняя ситуация заставляет задаться вопросами, ответы на которые вряд ли можно предложить в рамках настоящей статьи: обоснованно ли к принципам, установленным в ст. 4 *Закона*, отнесено неущемление прав защищаемых; допустимо ли ограничение данного принципа за счет установления каких-либо пределов в его реализации, например во времени, или в зависимости от того, какие меры из числа предусмотренных *Законом* осуществляются; допустимо ли установление в *Законе* возможности отказа защищаемого от соблюдения в отношении его названного принципа. Перечень вопросов может быть продолжен.

Что касается зарубежного опыта выдачи защищаемым беспроцентных кредитов, то признание их необходимости в России станет признанием по меньшей мере ограничения вышеназванного принципа. Потребуется исключить и ч. 3 из ст. 28 *Закона*, которая запрещает возлагать на защищаемого расходы, связанные с его защитой. Впрочем, реальность такова, что и при указанном запрете есть случаи осуществления мер безопасности за счет защищаемых²⁹. Финансовая поддержка защищаемых не должна сохранять уровень их жизни, достигнутый за счет преступной деятель-

ности³⁰. Наличие в *Законе* принципа неущемления прав защищаемого, безусловно, не ориентирует российского правоприменителя на сохранение за защищаемым того, что получено преступным путем.

Существенная проблема – исполнение защищаемым, которому предстоят переселение и замена документов, обязательств перед жертвами его преступлений и перед третьими лицами. В США для решения этой проблемы создан фонд, из которого потерпевшим возмещаются расходы на медицинскую помощь и на похороны близких – жертв преступлений, компенсируются потери в заработке, если они не могут быть возмещены из других источников (до 50 000 долл. в расчете на одно уголовное дело). Используется и такое средство, как требование к защищаемому до переселения и замены документов в максимально возможной степени исполнить имеющиеся обязательства, в том числе за счет продажи принадлежащего защищаемому имущества (при содействии службы защиты). Что касается алиментов и других ежемесячных выплат, то они производятся и после переселения – через посредника в лице подразделения защиты.

В ряде стран предусмотрены специальные нормы для защиты истцов (кредиторов), если защищаемый (должник) уклоняется от исполнения судебного решения: 1) раскрытие кредитору информации об имуществе защищаемого, а также предоставление последнему службой защиты средств для исполнения обязательств, которые (средства) затем возвращаются защищаемым из получаемых в рамках защиты пособий или из заработка (Австралия); 2) помощь защищаемому в продаже принадлежащего ему имущества, включая продажу имущества от имени защищаемого (Австрия); 3) принятие мер для связи кредитора с защищаемым в целях исполнения судебного решения (Германия); 4) в исключительных случаях – раскрытие кредитору имени и местонахождения защищаемого (США)³¹. Наше законодательство не содержит подобных положений. В России они могут быть предусмотрены лишь договором, заключаемым на основании ч. 6 ст. 18 *Закона*, но согласится ли защищаемый заключить его?

В *Рекомендациях* уделено внимание предпосылкам успешной интеграции защищаемого на новом месте жительства. Таковыми обычно являются: этническая и культурная совместимость с окружением, язык, уровень жизни, местные обы-

²⁸ Дело в том, что такое воздействие может осуществляться не только с целью заставить отказаться от намерения сотрудничать с правоохранительными органами либо прекратить сотрудничество, но и из мести за уже оказанное содействие, пусть даже прерванное по той причине, что в распоряжении следствия (суда) оказалась необходимая доказательственная информация из других источников. Подробнее о характеристиках посткриминального воздействия см.: *Брусницын Л.В.* Указ. соч. С. 28–56.

²⁹ См.: *Малов А.А., Тимошенко А.А.* Состояние законности и проблемные аспекты применения мер государственной защиты к потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства. М., 2008. С. 20–22.

³⁰ См.: *Рекомендации.* С. 71.

³¹ См.: *Рекомендации.* С. 74, 75.

чай и даже климат. Закрепление этих деталей в *Законе о госзащите потерпевших* вряд ли обязательно, хотя постановка вопроса об этом возможна в рамках исследования реализации принципа неущемления прав защищаемого. Эти и подобные детали могут найти отражение если не в *Законе*, то в подзаконном акте, конкретизирующем нормы *Закона* о переселении и замене документов, в том числе правила, выработанные за рубежом:

1. При подготовке защищаемому новых документов в максимально допустимой степени должны использоваться его настоящие: возраст, семейное положение, профессия, вероисповедание и пр., что уменьшает риск его разоблачения и облегчает вживание в новую жизнь. В то же время иногда нежелательно сохранять те или иные элементы биографии, например опыт работы, сведения об образовании, по которым посторонние могут проследить жизненный путь защищаемого, вольно или невольно разоблачить его. Поэтому нередко дипломированным врачам, адвокатам, инженерам и пр. приходится обучаться новым специальностям и даже заниматься малоквалифицированным трудом³².

Допустимы ли подобные ситуации в России при том, что в *Законе* закреплен принцип неущемления прав защищаемого? Судя по зарубежному опыту, они неизбежны. И это признано нашим *Законом*. Так, согласно ч. 5 ст. 20 в постановлении об отмене мер безопасности должны быть урегулированы вопросы *восстановления* имущественных и иных прав лица. Тем не менее, как уже отмечалось выше, представляются необходимыми исследование допустимых ограничений названного принципа и закрепление результатов исследований в *Законе*.

Переселяемому требуется психологическая поддержка, чему уделяется немалое внимание за рубежом³³ и осознано в России. Пунктом 20 Приложения № 1 к программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников

уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы»³⁴ на Минздравсоцразвития России была возложена задача разработать и внедрить программы такой поддержки, на что было выделено 600 тыс. руб. Однако, судя по результатам проверки, проведенной Генеральной прокуратурой РФ в 2008 г., эта задача не выполнена: выявлены факты отказа защищаемых от продолжения мер безопасности из-за отсутствия помощи психологов³⁵.

2. У защищаемого изымаются все документы, относящиеся к его «прежней» жизни, что необходимо не только во избежание их обнаружения третьими лицами и выявления настоящей личности защищаемого, но и для того, чтобы последний не мог воспользоваться возможностью выступать одновременно под разными именами.

3. Защищаемый «освобождается» от любого имущества, позволяющего определить владельца, включая мобильные телефоны и компьютеры с их программным обеспечением. Поэтому лицо должно заявить обо всем находящемся в его собственности имуществе и получить от службы защиты указание, какое имущество следует продать. Оно может быть продано данной службой от имени защищаемого³⁶.

4. По прошествии нескольких лет защиты нередко защищаемый и члены его семьи уже обустроили свою жизнь, поэтому при устранении угрозы посткриминального воздействия и окончании защиты большинство из них предпочитают не возвращаться к прежней жизни³⁷. В России этот вопрос пока не решен. Согласно п. 11 *Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства*³⁸ замена документов может быть временной. При этом отмена данной меры безопасности не поставлена в зависимость от желания защищаемого, и, исходя из содержания ч. 1 ст. 20 *Закона*, при устранении угрозы у защищаемого должны быть изъяты новые документы и возвращены прежние. Учитывая зарубежный опыт, представляется целесообразным обусловить это согласием защищаемого.

³² Так, свидетель А. – известный в международных кругах финансовый эксперт дал показания о совершенном ОПГ преступлении, в котором был замешан сам. Его включили в программу защиты свидетелей, изменив личные данные. Сохранение за А. внушительного послужного списка в финансовом секторе позволило бы ему устроиться на престижное место по специальности, но это могло помочь преследователям «вычислить» его. В итоге А. пришлось довольствоваться сравнительно низкооплачиваемой работой и пользоваться финансовой поддержкой службы защиты свидетелей до тех пор, пока он не зарекомендовал себя как специалист в области, где его имя не было известно (см.: Рекомендации. С. 81).

³³ См.: Рекомендации. С. 50.

³⁴ Утверждена постановлением Правительства РФ от 10 апреля 2006 г. // СПС «Гарант».

³⁵ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 17.

³⁶ Латвийское законодательство первоначально обязывало полицию защищать не только свидетеля, но и его имущество, что на практике оказалось сложным, и в настоящее время соответствующее имущество подлежит продаже, а при невозможности этого страхуется за государственный счет (см.: Рекомендации. С. 89).

³⁷ См.: Рекомендации. С. 83.

³⁸ Утверждены постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. // СПС «Гарант».

Для небольших государств защитить гражданина можно, лишь переселив его за рубеж³⁹. В этом случае предпосылками успешной адаптации человека являются: этническая и культурная совместимость переселяемого с окружением, государственный язык и уровень жизни в стране. Тем не менее, выбор страны определяется тем, какая из них готова принять защищаемого. Им самим выбор предоставляют редко, хотя в качестве условия сотрудничества со следствием они зачастую выдвигают переселение в конкретную страну или группу стран.

Еще до того, как ходатайство о переселении будет принято к рассмотрению, принимающей стороне должна быть сообщена вся информация о переселяемом, включая сведения о судимостях, финансовом положении и юридических обязательствах. Отказ в предоставлении этой информации может влечь отказ в приеме защищаемого. В то же время направляющая сторона не обязана сообщать и часто не сообщает подробные сведения об уголовном деле, участие в котором человека потребовало его защиты. После принятия решения о переселении соответствующие службы двух стран согласовывают на переговорах условия переселения и подписывают соглашение, устанавливающее взаимные права и обязанности стран, в том числе:

1. **Финансовые обязательства.** Расходы, связанные с реализацией мер безопасности, обычно несет принимающая страна. Что касается финансовой поддержки переселенного, то некоторые принимающие страны соглашаются взять ее на себя, другие заключают с направляющей страной соглашение о разделе расходов, третьи требуют от направляющей страны полностью принять их на себя.

2. **Вопросы интеграции.** Страна, принявшая защищаемого, помогает ему в устройстве на работу, организует профессиональную подготовку и изучение языка, предоставляет медицинские услуги. В зависимости от национального законодательства переселенному автоматически предоставляется право на работу либо выдается

временное разрешение на трудоустройство, предоставляемое по результатам периодической оценки угрозы лицу в той стране, из которой он переселен. По истечении определенного времени могут предоставляться постоянные вид на жительство и работа.

По выполнении требований закона о натурализации переселенный вправе обратиться с просьбой о предоставлении гражданства. Обычно ему предлагают трудоустройство и уровень жизни, сопоставимые с теми, что были на его родине, однако различия в социально-экономических условиях (инфляция, уровень безработицы, минимальная заработная плата, режим налогообложения) иногда затрудняют точную оценку жизненного уровня в государствах.

Опыт переселения за рубеж показал необходимость сотрудничества с третьими странами. От их служб по защите свидетелей требуется содействие при пересечении защищаемым границ этих стран в морских портах и аэропортах – во избежание нарушения конспирации при прохождении паспортного, таможенного и иммиграционного контроля. Проводятся и более сложные операции: третьи страны предоставляют места для встреч защищаемого с оставшимися на родине родственниками, технические средства для дачи защищаемым “видеопозвонков” в суде страны, из которой он выехал. Хотя в обоих случаях третья страна может стать известной преследователям защищаемого, это считается менее опасным, нежели раскрытие страны, где он проживает⁴⁰.

К сожалению, в УПК РФ допрос защищаемого с использованием видеоконференц-связи не предусмотрен (лишь анализ ч. 5 ст. 278 приводит к выводу, что это возможно при допросе граждан под псевдонимом). Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14 октября 2008 г. в Государственную Думу был внесен проект закона о дополнении УПК ст. 278¹ “Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи”⁴¹, однако до настоящего времени этой новеллы в УПК РФ нет.

При имеющемся опыте переселения все же отмечается, что объем трансграничного сотрудничества незначителен, и для его развития рекомендуются: 1) разработка минимальных согласованных стандартов обоснования решений о переселении в другую страну; 2) упрощение процедур обращения с ходатайством о приеме защищаемого и собственно приема; 3) унификация в необходимой

³⁹ Европоллом создана сеть, объединившая учреждения по защите свидетелей государств – членов Европейского союза, ряда иных государств (Австралии, Канады, Новой Зеландии, США, Южной Африки и др.) и международных организаций. Участники сети проводят регулярные встречи для обмена информацией и опытом в защите свидетелей, выработки рекомендаций по согласованию национального законодательства. Аналогичные сети появляются и в других регионах. Так, в Тихоокеанском регионе учрежден Форум руководителей подразделений по защите свидетелей Австралии и азиатских государств (см.: Рекомендации. С. 86).

⁴⁰ См.: Рекомендации. С. 72, 85–87.

⁴¹ См.: http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=5497.

мере национального законодательства, включая терминологию; 4) разработка общих критериев определения уровня жизни, обеспечиваемого переселяемым, и размеров выплачиваемых им пособий⁴².

В ст. 5 *Закона о госзащите потерпевших* среди регулирующих ее законодательных актов указаны и международные договоры. Россия является участником разработанного в СНГ Соглашения о защите участников уголовного судопроизводства (далее – Соглашение). 28 ноября 2006 г. в Минске наряду с Россией его подписали Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Украина. В силу Соглашения вступает с даты сдачи на хранение депозитарию третьего уведомления о выполнении подписавшими его сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу. На 25 декабря 2008 г. соответствующие процедуры были завершены в Белоруссии, Казахстане и России⁴³.

Позитивным в Соглашении является возможность присоединения к нему государств, не входящих в СНГ (ст. 34). Есть в нем и недостатки. Например, согласно п. “б” ч. 1 ст. 16 Соглашения запрос в другое государство о помощи в защите должен содержать: 1) данные о лице, совершившем преступление, либо о лице, от которого исходит угроза (фамилия, имя, отчество, место жительства и пр.); 2) показания участников судопроизводства, в связи с которыми принято решение об осуществлении мер безопасности. При этом ст. 17 Соглашения допускает оставление запроса без рассмотрения, если в нем нет указанных сведений. Но далеко не всегда при возникновении угрозы посткриминального воздействия, например, если не установлено лицо, совершившее преступление, следствие будет располагать информацией о фамилиях, именах и отчествах преступника и иных лиц, представляющих опасность⁴⁴, и не всегда информация об угрозе будет

содержаться в показаниях участников уголовного процесса – она может содержаться и в документах, относящихся к ОРД. Очевидно, что данные недостатки Соглашения подлежат устранению; развитию сотрудничества России с другими странами послужит и учет опыта трансграничного сотрудничества, изложенного в Рекомендациях.

Прекращение защиты. В *Рекомендациях* обращено внимание на то, что преступникам, согласившимся сотрудничать со следствием, трудно порвать со своим прошлым, и некоторые вновь совершают преступления. Независимо от того, оставляют ли такое лицо под защитой (в случаях, когда совершенное им преступление не квалифицируется как “серьезное” либо когда лицо по-прежнему представляет ценность для стороны обвинения) или прекращают ее, совершенное им деяние преследуется в соответствии с законом. Если лицо продолжают защищать, расследующему его преступление органу сообщается “уголовное прошлое” защищаемого. При этом данное лицо могут привлечь к ответственности под именем, данным при включении в программу защиты, а позднее переселить и дать очередное новое имя (в службе защиты ведется досье с указанием всех приговоров, в которых защищаемый фигурирует под разными именами)⁴⁵.

Возможности того, что защищаемый может совершить преступление, уделено внимание и другой международной организацией. В п. 23 Приложения к Рекомендации № R (2005) 9 Совета Европы “О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием” такое событие предлагается в качестве основания отмены мер безопасности⁴⁶, и законы некоторых стран (Колумбии⁴⁷, Румынии⁴⁸ и др.) предусматривают это.

В ч. 1 и 2 ст. 20 *Закона о госзащите потерпевших* в качестве оснований отмены этих мер установлены: 1) устранение оснований, по которым они были применены; 2) невозможность продолжения их применения из-за нарушения защищаемым вышеупомянутого договора; 3) заявление защищаемого об их отмене. Как видим, совершение защищаемым преступления *Законом* не отнесено к основаниям отмены защиты, и правильность этого вопреки рекомендациям Совета Европы доказывает нижеизложенное.

⁴² См.: Рекомендации. С. 97, 98.

⁴³ См.: Федеральный закон “О ратификации Соглашения о защите участников уголовного судопроизводства” от 25 декабря 2008 г. // СПС “Гарант”.

⁴⁴ Так, в уголовных делах о вымогательстве не привлекаются к ответственности от 30 до 70% членов ОПГ (см.: *Бобровский И.В.* Социальная обусловленность квалифицированного вымогательства и его расследование. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 129). Преступники, оставшиеся вне поля зрения следствия, располагают всеми возможностями для посткриминального воздействия как во время уголовного судопроизводства – в целях заставить жертв и свидетелей преступлений отказаться от сотрудничества с правоохранительными органами, так и по его окончании – из мести указанным лицам либо с целью так называемого “устрашающего насилия”.

⁴⁵ См.: Рекомендации. С. 76.

⁴⁶ См.: <http://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=849237&BacColorInternet=9999CCBacColor...>

⁴⁷ См.: Рекомендации. С. 11.

⁴⁸ Согласно ст. 17 Закона “О защите свидетелей” от 19 декабря 2002 г.

Очевидно, что отмена защиты повлечет прекращение содействия гражданина правосудию. Если при этом цели судопроизводства останутся достижимыми (за счет использования иных помимо показаний указанного лица доказательств), то его привлечение к сотрудничеству с правоохранительными органами и обеспечение безопасности изначально были не нужны. Если же отмена мер безопасности и сопряженный с этим отказ лица от содействия правосудию повлекут невозможность достижения целей судопроизводства, то отменять меры безопасности не следует. Ведь их продолжение никоим образом не влияет на уголовно-процессуальную процедуру привлечения защищаемого лица к уголовной ответственности в связи с совершением им преступления.

Конечно, не исключена и такая ситуация, когда защищаемый, без сотрудничества с которым достижение целей судопроизводства первоначально было невозможным, совершил преступление, а в распоряжении следствия (суда) появились доказательства, дающие возможность достижения этих целей без помощи защищаемого. Каким в этом случае должно быть решение? Следуя рекомендации *Совета Европы*, защиту надо отменить. Но ведь, как уже было отмечено выше, посткриминальное воздействие может продолжаться и после того, как лицо прекратило сотрудничество со стороной обвинения.

Ранее автором было высказано мнение, что меры безопасности могут отменяться не только по основаниям, указанным в ст. 20 *Закона*, но и при нарушении защищаемым возложенных на него в п. 1, 3 и 4 ч. 2 ст. 23 *Закона* обязанностей (в кратком изложении): выполнять условия применения мер безопасности, не разглашать сведения о них, надлежаще обращаться с выданным для реализации таких мер имуществом⁴⁹. Однако все вышеизложенное свидетельствует о недостаточной обоснованности этого мнения и позволяет сделать следующие выводы:

1. Основанием отмены мер безопасности является устранение обстоятельств, послуживших причиной их применения, что и предусмотрено в ч. 1 ст. 20 *Закона*. Указанное в ч. 2 данной статьи в качестве основания их отмены заявление защищаемого должно рассматриваться лишь как повод для проверки, устранена ли угроза посткриминального воздействия. И только при установлении, что угроза отпала, меры безопасности могут (и должны) отменяться.

⁴⁹ См.: Брусницын Л.В. Указ. соч. С. 397.

2. Установленное в ч. 1 ст. 20 *Закона* такое основание отмены мер безопасности, как невозможность их продолжения из-за нарушения защищаемым условий договора, заключенного в соответствии с ч. 6 ст. 18 *Закона*⁵⁰, наряду со случаями, когда защищаемый скрылся или его местонахождение неизвестно по другим причинам, является *исключением* из вышеприведенного общего правила отмены мер безопасности.

3. Что касается совершения защищаемым преступления, то указание на это как на обстоятельство, дающее соответствующему должностному лицу право прекратить защиту, может быть предусмотрено (если, конечно, стороны придут к соглашению об этом) в договоре, заключаемом в соответствии с ч. 6 ст. 18 *Закона*, и, очевидно, будет дисциплинировать защищаемого. Тем не менее, совершение им преступления не может влечь отмену мер безопасности, если не отпала угроза его безопасности⁵¹. Такие обстоятельства, как *задержание защищаемого лица в качестве подозреваемого, избрание в отношении его меры пресечения, признание виновным в совершении преступления по приговору суда, вступившему в законную силу*, следует предусмотреть в ст. 20 *Закона* в качестве основания отмены не в целом защиты, а тех мер безопасности, продолжение которых, например личной охраны, объективно станет невозможным в силу перечисленных событий. В то же время эти события могут потребовать применения специальных мер защиты, установленных в ст. 14 *Закона* для содержащихся под стражей и отбывающих уголовные наказания.

При доработке собственно процедуры прекращения защиты в *Закоме* целесообразно учесть следующие детали: 1) в ряде стран решение о ее прекращении вручается защищаемому заблаговременно, в Великобритании, например, как минимум, за 21 день до фактической отмены мер безопасности, чтобы дать возможность человеку подготовиться к жизни вне программы защиты, обжаловать решение об исключении из нее; 2) после отмены мер безопасности может возникнуть потребность в периодических оценках воз-

⁵⁰ Целесообразно исследование причин такой невозможности и указание типовых причин, поскольку речь идет об оценочной категории, в методических пособиях по применению *Закона*.

⁵¹ Надо сказать, что даже в тех странах, где нарушение защищаемым меморандума влечет его исключение из программы защиты, учитывая опасности вследствие такого исключения, человеку может быть разрешено оставить новые документы, т.е. продолжать жить под новым именем (см.: Рекомендации. С. 84).

воздействия⁵².

Программы защиты свидетелей и новые формы преступности. За рубежом создания таких программ потребовала борьба с мафиозными сообществами, но распространение уличных банд, группировок скинхедов и других подобных групп, а также “домашнего насилия” привело к тому, что в таких странах, как Новая Зеландия, США, Гватемала, Австралия, действия перечисленных групп и лиц, совершающих преступления в отношении членов семьи, а не борьба с оргпреступностью заставляют в большинстве случаев применять программы защиты⁵³.

Распространение вышеуказанных форм преступности – общемировая тенденция. С ослаблением в России государственного контроля в середине 50-х годов XX в. она проявляется и в нашей стране. В данном аспекте отечественный *Закон о госзащите потерпевших* универсален и не требует корректив: при наличии оснований, указанных в его ст. 16, меры безопасности применяются независимо от категории расследуемого преступления и от вида уголовного дела (частного, частно-публичного или публичного обвинения)⁵⁴. Исключение – применение дорогостоящих мер безопасности, указанных в п. 4–7 ч. 1 ст. 6 *Закона* (переселение, замена документов, изменение внешности, изменение места работы, службы или учебы), лишь в делах о тяжких и особо тяжких преступлениях.

В Чили, например, использование конкретных мер защиты также поставлено в зависимость от тяжести преступления: переселение защищаемого и замена его документов возможны при расследовании тяжких преступлений, в ходе расследования иных деяний применяют “менее радикальные” средства: изменение телефонных номеров защищаемых, охрану и пр. Тем не менее, по инициативе прокурора и суда могут применяться все меры безопасности независимо от категории преступления⁵⁵. Возможно, и в России применение таких мер, как переселение и изменение места работы (службы, учебы), следует допустить вне зависимости от категории расследуемого деяния, так как возможны случаи, когда одна из этих мер окажется единственной, позволяющей предотвратить (пресечь) посткри-

минальное воздействие. Это, конечно, повлечет увеличение расходов на реализацию *Закона*, но на другой чаше весов – провозглашенное в ст. 52 Конституции РФ право граждан на доступ к правосудию.

Программы защиты свидетелей и цифровые технологии идентификаций людей. Личные документы с биометрическими данными служат обеспечению общего правопорядка и борьбе с терроризмом. В то же время в некоторых странах их появление повлекло трудности в защите свидетелей, и число их растет. У въезжающих и даже у лиц, пересекающих страну, отбираются отпечатки пальцев, вследствие чего человек, посетивший страну под настоящим именем, лишается возможности въехать в нее после замены документов. Базы данных с биометрической информацией развиваются и в негосударственном секторе, например в финансовых учреждениях, которые все чаще требуют от клиентов предоставления такой информации для подтверждения личности; некоторые страховые компании отказывают в выплате страховых, не получив образцов ДНК, подтверждающих личность клиента⁵⁶. В русле защиты содействующих правосудию эти проблемы требуют поиска законодательных решений. Но, в отличие, например, от Словакии и некоторых других стран, внимание отечественных исследователей данные проблемы не привлекают вследствие, видимо, неразвитости в России указанных технологий.

Уровень обсуждений национального законодательства. В Австралии ежегодно доклад о защите свидетелей представляется парламенту, Конгресс США проводит слушания по реализации программы защиты⁵⁷. Обсуждения проводятся и в России, но не на парламентском уровне, хотя иногда и в стенах Государственной Думы РФ с участием ее профильных комитетов, представителей органов, исполняющих *Закон о госзащите потерпевших*, и даже общественных организаций. Результат обсуждений – обоснованные предложения по совершенствованию законодательства, но ни одно из таких предложений не превратилось в правовую норму.

При этом нельзя сказать, что в *Закон*, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы РФ, которые также содержат меры безопасности, не вносились новеллы. Однако, поскольку законотворческая работа носит бессистемный и кулуарный характер, результат большинства

⁵² Рекомендации. С. 64, 76.

⁵³ Там же. С. 26, 31, 47.

⁵⁴ Другое дело, что основания применения мер безопасности в ч. 1 ст. 16 *Закона* сформулированы неудачно, но этот вопрос рассмотрен выше.

⁵⁵ См.: Рекомендации. С. 31.

⁵⁶ Там же. С. 93.

⁵⁷ Там же. С. 53, 58, 59.

новелл – не развитие законодательства и даже не устранение имеющихся проблем, а появление новых⁵⁸ либо в лучшем случае новелла ничего не привносит в дело защиты от посткриминального воздействия⁵⁹. Видимо, надо учесть опыт стран, где соответствующие вопросы обсуждаются в высших законодательных органах, чем и обеспечивается динамичное развитие законодательства. В законотворчестве необходим учет и результатов отечественных научных исследований⁶⁰.

В заключение – *вопросы терминологии*. В российских исследованиях, посвященных безопасности лиц, содействующих правосудию, используются термины, принятые и в отечественном, и в зарубежном законодательстве, что естественно, поскольку во многом первое формируется на базе второго, и авторы постоянно обращаются к зарубежным источникам. Пример тому в настоящей статье – использование в качестве синонимов “меры безопасности” и “меры защиты”. Такая синонимия, в некоторых случаях специально оговоренная, возможна в работах и более высокого уровня – в диссертациях.

К сожалению, встречается и иное – подмена терминов. Так, “обеспечение безопасности” лиц, указанных в *Закоме о госзащите потерпевших*, нередко обозначается термином “государствен-

ная защита”. В свою очередь, последняя сводится к анализу различных аспектов применения мер безопасности⁶¹, но это противоречит ст. 1 *Закона*, где установлено, что эта защита состоит не только в обеспечении безопасности соответствующих лиц, но и в их социальной поддержке.

В качестве примера подобной подмены можно было бы привести работу, посвященную мерам пресечения, с названием “Меры процессуального принуждения”. Но такой работы нет, наверное, потому, что меры процессуального принуждения (разд. IV УПК РФ) – давний институт, и в силу этого при обращении исследователей к его составляющим, например к задержанию или мерам пресечения (гл. 12 и 13 разд. IV), терминологической путаницы не наблюдается. Рассматриваемое же законодательство новое в России. Тем не менее, это не оправдывает авторов, допускающих терминологические ошибки. Итак, исследования, объект и предмет которых авторы связывают с “государственной защитой”, должны включать анализ применения мер безопасности и мер социальной поддержки⁶². Работы, посвященные одному из этих аспектов государственной защиты, надлежит озаглавливать в соответствии с избранными объектом и предметом исследования.

Проблемы, требующие законодательного разрешения, в статье, конечно, не исчерпаны. Рассмотрена лишь часть их, к тому же в рамках одной группы мер безопасности – тех, что предусмотрены *Законом о госзащите потерпевших*.

⁵⁸ См. об этом: *Брусницын Л.В.* Указ. соч. С. 347, 358–360.

⁵⁹ Там же. С. 243, 244.

⁶⁰ Прежде всего необходимо отметить следующие работы: *Шевченко К.Д.* Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004; *Новикова М.В.* Указ. соч.; *Тимошенко А.А.* Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как уголовно-процессуальная мера безопасности. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; *Воронов Д.А.* Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.

⁶¹ См., например: *Янин С.А.* Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования. Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

⁶² О некоторых проблемах осуществления мер социальной поддержки см.: *Брусницын Л.В.* Государственная защита лиц, содействующих уголовному правосудию: состояние и вопросы развития законодательства // *Гос. и право*. 2010. № 5. С. 53, 54.